

Бомж

Автор:

[Александр Гарцев](#)

Бомж

Александр Гарцев

Виктор, избитый братками, остался без фабрики, без денег, без документов. Его предала Жанна, сбежала с юристом жена, прихватив коттедж и машину, выгнал сын. Кто он теперь? Бомж.

Александр Гарцев

Бомж

Виктор Очнулся. Было так темно, что он не сразу и понял где.

В углу мерцала, потрескивая свечка. И сквозь полумрак удалось оглядеться.

Это оказался просторный подземный тепловой узел. С диванчиками, кушетками и маленьким столиком посередине. В углу сверху вместо светильников поблескивали синим небом с белыми облачками два люка, обыкновенных полуоткрытых канализационных.

Было тихо. Слышно, как капала вода из больших ржавых вентилях, булькала по трубам, и ворчливо урчала, убегая по ним куда-то вдаль, в глубь земли, через грязную прокопчённую полуразвалившуюся кирпичную стену.

По стуку поездов Виктор догадался, что они где-то в районе вокзала, Он вспомнил эти два люка, торчащие двумя танковыми башнями у переезда, что на

улице Тимирязева. Проходил мимо, часто. Давно-давно, когда работал на здесь, в КБ.

Болела голова. Руки в крови. Повернул голову. Посмотрел на пьющего из алюминиевой кружки бомжа.

Вспомнил.

И мост. И весь вчерашний день, все перевернувший, разрушивший всю его жизнь.

Отвернулся к стене. Хотя стеной назвать это было трудно. Полуразрушенный красный кирпичи, между которыми медленно сочилась вода, зеленая какая-то, с явным запахом канализации.

Сочилась и маленьким ручейком и убегала вниз по расщелинам и трещинам старого выщербленного кирпича и, не задевая черный полусгнивший матрац, остаток какого – то дивана, утекала тихонько издевательски журча под него, в большую канаву в центре этого полутемного и освещаемого только через верхний люк, то ли блиндажа из какого старого советского фильма про партизан, то ли запущенной и грязной комнаты без окон, без пола, где вместо белоснежного потолка, свисали черные сосульки паутин, из которых также одиноко и тоскливо капала вода.

То ли вода, то ли зеленоватая жижа из канализации.

Все-таки это было больше похоже на подвал, старый и запущенный, где когда он, Виктор, будущий чемпион Европы по классической борьбе качался с друзьями старым ржавым железом.

– Подвал и есть, подумалось Виктору.

И он снова забылся в каком-то бесконечном и безнадежном то и во сне, то ли в полнейшем нежелании не только вставать, но всяческих движений, шевелений и мыслей.

Капала вода. Тихо журчал под потолком у самого уха маленький вонючий навозный ручеек.

Покачивающийся в свете мерцающей свечи мужик в грязном рваном свитере отложил грязную закопченную со дня до самого края алюминиевую кружку, посмотрел на шевельнувшегося было Виктора, снова забывшегося с так и не сдвинувшейся на правой рукой.

Подошел. Поправил руку, положив ее снова на грудь Виктора, потрогал лоб и крякнул:

– Эк тебя развезло как. Здорово разукрасили.

И, размешав такой же грязной и закопченной как кружка мятой алюминиевой ложкой чай, уселся на старое водительское кресло, найденное им прошлой осенью на свалке по соседству.

– А ты кто? – прошептал Виктор, слегка пошевелив пальцами и удивился тому, что они шевелятся и вовсе не болят. Посмотрел на них.

– Я-то? – мужик отхлебнул чайку и, зажмурив от удовольствия я глаза, ответил медленно и с достоинством:

– Я Василий. Бомж. А вот ты кто? Прыгаешь по ночам с моста зачем-то, смартфон вот хороший так швырнул, что и не найдешь в реке теперь.

Виктор вспомнил весь вчерашний день, так перечеркнувший его безмятежную сытую энергичную жизнь. Коттедж, утреннюю Жанну, суд, накат Седого, гневные несправедливые и потом обидные слова сына, дождь, мост.

И вспомнил этого человека. Да-да. Он и был там внизу, под мостом, у дамбы.

– Да не прыгал я, – поморщился Виктор, поворачиваясь набок. – Не рассчитал просто. Вот и выпал.

– Похоже, что так. – покачал головой бомж, – барахтался здорово. Не хотел тонуть то? – то ли удивился, то ли спросил он.

Болела голова. Ныло правое плечо. И, вообще, Виктор после вчерашнего дня чувствовал себя совершенно разбитым. Вернее, не чувствовал себя совсем.

Он уже не был тем, успешным, уважаемым друзьями и многочисленным подхалимским окружением предпринимателем. Человеком, у которого было все. Человеком, который, как ему долгое время перед вчерашним днем казалось, который никому ничего не должен и который все, что имеет добился сам.

А кем он был сегодня? Он и не знал. Нищим, без денег, без документов, без всякой собственности и недвижимости, без своей мебельной фабрики. Кто он после всего того, что случилось вчерашним днем.

– Как так? – подумал он, пробуя перевернуться на другой бок и, морщась от боли, – как так иметь коттедж, БМВ, свое дело, и все потерять в один день.

Не ожидал, не ожидал он такого предательства и от своей Жанны. Модель, для которой он сделал все, которую он, по сути, и создал, в которую он вложил такие деньги, из-за которой он залез в долги к браткам. Не смог их отдать. А те, сволочи, тоже хороши. Забрали в счет долга его любимое детище, его мебельную фабрику, которая обеспечивала мебелью весь их маленький городишко.

Вспомнив о фабрике, Виктор ухмыльнулся. Загнется она. Загнется она без него, без его идей, идей новаторских и смелых. Загнется точно. Кого там Седой поставит на менеджмент? Да эти придурки из девяностых слова связать не умеют, какие у них идеи? Привыкли отжимать, да жировать за счет нас, ипешников.

Ладно, хоть одно светлое пятно во всей этой вчерашней истории. Теперь я с ними в расчете. Ничего я им не должен. Теперь я никому ничего не должен.

Я свободен.

И Виктор вздохнул, то ли от жалости к самому себе, то с облегчением, что отныне его, избитого, выброшенного из привычной жизни и из жизни вообще, без денег, без документов уже с этим опостылевшим ему бандитским миром ничего не связывает.

– Робин Гуды современности, чертовы, – выругался Виктор, вспомнив последнюю встречу с бандой Седого в «Речном».

Бомж обернулся. Встал со своего скрипящего, казалось совсем развалившегося стула, подошел, положил руку на лоб.

– Что он сказал? Да, не горячий уже, – крикнул он кому-то в темноту. Болтает просто.

– Не болтает, – подумал Виктор, – а бредит. Так надо правильно говорит.

И снова пожалел себя, оказавшегося в такой абсолютно безвыходной ситуации.

В люк спустились двое. Худой высокий парень вопросительно посмотрел на Василия.

– Да вот у нас новый жилец. Это Виктор, —сказал Василий, выплёскивая на глиняный пол остатки чай. Поживет пока у нас.

Парень пожал печами. Ну пусть поживет.

Рядом с ним стояла, мило улыбаясь женщина. Маленькая, но улыбчивая. Улыбка хорошая, добрая. Единственно, на что Виктор обратил сразу внимание, когда Нина улыбалась были видны передние зубы. Вернее, черненькие остатки от них. Но от этого улыбка ее была еще более открытой и более искренней.

– Это Нина. – сказал Егор, кивая в ее сторону. – А это товарищ Виктор, новый наш товарищ. Поживет пока тут с нами. Ты не возражаешь?

Нина пожала плечам, выложила на пенек содержимое сумки и, отойдя к столу, изображавшему небольшую кухню, выложила содержимое сумки.

– Мне – то, чё. Пусть живет.

И Виктор замолк. Забылся. Или уснул. Замолчал.

– Эй, вставай. Хватит валяться. Не санаторий тебе тут. Вставай. Работать пойдём.

Так с этого окрика и началась жизнь нового бомжа.

Пришли к церкви. Василий Нинку с Егором поставил у входа в храм со стороны улицы Казанской, да так, чтобы Нинка стояла по одну сторону входа, а Егор – по другую.

– Да пожалобней ты, пожалобней! – посоветовал он Нинке, – и руку не убирай, так и тяни.

Сам с Виктором встали у другого входа, со стороны Красноармейской.

Постояли недолго. Часика три. Но денег на еду хватит дня на два. И не только на еду.

Василий держал свою семью в строгости. (именно, так окрестил Виктор эту странную компанию). Строгость заключалась в том, что выпивать боярышник, тройной одеколон и другие там лосьоны и все остальное спиртосодержащее разрешалось только строго по воскресениям.

И никаких иных праздников.

Отрабатывал со всеми свою еду и новенький. Первые недели он никак не мог забыть, что предприниматель. Ещё вчера успешный. А сегодня он, по сути, бомж. Это надо же! Проиграл в суде коттедж, бывшей супруге, которая ушла к его бывшему менеджеру-юристу. Машину отжали должники.

Под давлением "братков" передал им свой бизнес – цех по производству мягкой мебели. квартиру в малосемейке вчера подарил дочке, с ключами и сертификатом на право собственности. Вторую квартиру еще раньше тоже передал сыну, и остался гол как сокол.

В настоящее время философствующий бомж и живущий среди бомжей

Но за месяц такого бытия как-то все и привыкло.

Он помнит, как ржали мужики, когда его вырвало от куска колбасы, принесенной Егором из соседнего контейнера с мусором. Виктор, оголодавший на нее, набросился, с какой жадностью ел.

И как рвало его тут же в кустах, когда увидел ползающих внутри аппетитного куска груды белых рощеников его рвало!

Как ржали над ним мужики. И лишь Нинка одергивала их:

– Как вам не стыдно. Человеку плохо.

Вот и сегодня он уже по устоявшейся привычке пил чай.

Чай был невкусный. Вода пахла хлоркой. Просроченная заварка отдавала легкой плесенью. Но Виктор пил жадно и с удовольствием этот живительный напиток.

У него, наконец, появились первые искорки интереса к происходящему вокруг, апатия, бессильная на все на все и на всю злость или обида иди досада даже непонятно, но чай был хотя и невкусный, но в своей затхлости и невкусности горячим, обжигающе горячим и возвращающим Виктора в сегодня, в сегодняшние реалии.

И он цепким умом предпринимателя почти хозяйским взглядом уже без брезгливости и предубеждения разглядывал свое новое жилище.

Пил чай. Молча разглядывал. Молча рассуждал.

Хотя что-то случилось с ним после той драки, после пинков бывших братков по голове. Она все еще гудела, как барабан, иногда вокруг этого барабана мирно и тихо покачивалась или покруживались и березки, что росли вокруг их жилища, и голубое небо, в котором облака тоже как-то странно перемешивались друг с другом, как когда-то, уже Виктор и не помнил, кто, но какая-то красивая девушка, имя которой почему-то сейчас не вспоминалось, помешивала ему сливки в кофе.

Виктор сидел неподвижно на пеньке у входа в жилище, а мир вокруг него как живой покачивался, покачивался, покачивался...

Мир новый и какой-то светлый и тихий, и приятный даже.

Виктор, слушая рассказы Егора, слезливые по пьяни рассказы Нинки о семье о детях, сданных ею в детский дом, воспоминания Василя, и все больше проникался ощущением новизны своей жизни, проникался тем, что он, его душа в полной мере принимает этот мир, простой откровенный и искренний.

Такой новый, такой необычный, а главное свободный мир, мир солнечный, лесной, пахнувший березовой рощей, по которой так маняще и призывающе шумят и проносятся поезда, товарняки, пассажирские, электрички, предлагая дальше и больше, предлагая путешествия и обещая новые впечатления, новые места, новые знакомства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/garcev_aleksandr/bomzh

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)